

УДК 94 (571.5) — 054.65

ББК 63.3 (253.5) 6,7

Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны

Т.В. Федорова

Иркутский государственный лингвистический университет
(Иркутск, Россия)

The Problem of Austro-Hungarian Prisoners of War Social Conditions of Confinement on the Territory of Eastern Siberia during World War I

T.V. Fedorova

Irkutsk State Linguistic University (Irkutsk, Russia)

В современной обстановке роста международной напряженности, вызванной изменениями в геополитике, а также событиями, происходящими на Ближнем Востоке, в которые втягивается и Россия, особенно остро встает вопрос отношения к военнопленным в условиях взаимодействия с мировыми дипломатическими союзами. Это, в свою очередь, обуславливает актуальность исследования темы в год столетия начала Первой мировой войны, которая затронула все слои российского общества, а также стала мощным катализатором политических процессов, изменила судьбы миллионов людей.

Условия, в которых оказались многие страны, в том числе и Россия, в исследуемый период способствовали не только выработке новых международных правовых актов, но и решения важнейших правовых, экономических и социально-бытовых проблем, касающихся военнопленных. Основываясь на установленных нормах международного и российского права, автор рассматривает вопрос их соблюдения на региональном уровне в условиях военного времени. Решение проблем размещения, питания, охраны, нормы содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири стояли достаточно остро, что в полной мере раскрыто в данной статье.

Ключевые слова: Первая мировая война, международная правовая система, военнопленные, социально-бытовые условия, Иркутский военный округ.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-33

История Первой мировой войны достаточно хорошо изучена, но, как и во всяком историческом процессе, в исследовании данного вопроса осталось

The increasing tension of current international situation, caused by geopolitical changes and the Middle East crisis affecting Russia brings up the issue of prisoners-of-war confinement in the world diplomatic unions interaction environment. This, in turn, determines the significance of the research topic in the run-up to the centennial of the beginning of World War I, which affected all layers of Russian society, and became a powerful catalyst for political processes, changing the lives of millions of people.

Conditions faced by many countries including Russia during World War I did not only contributed to the development of new international legal instruments, but also addressed the critical legal, economic and social issues related to prisoners of war. Taking into consideration the established norms of international and Russian law, this article examines their implementation at the regional level in the context of war. The issues of accommodation, meals, safety, conditions of confinement of the Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of Eastern Siberia were severe enough, which is fully revealed by the author in this article.

Key words: World War I, international legal system, prisoners of war, social conditions, Irkutsk military district.

немало белых пятен. Одним из таких вопросов являются вопросы политики региональных властей по созданию условий социально-бытового содержа-

ния австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири.

В любой войне, мировой или локальной, всегда неизбежны потери как со стороны агрессора, так и с защищающей свои интересы стороны. Государства несут численный урон армии, не только убитыми и ранеными, но и теми, кто был взят в плен на полях сражений. Во время Первой мировой войны в русском плену оказались 2104146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167082 военнослужащих германской армии. Военные власти России при регистрации пленных отмечали только их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных весьма сложно. Австрийцы и немцы составляли примерно 20–22% всех военнопленных габсбургской армии, т. е. приблизительно 400–500 тыс. чел. Вместе с пленными германской армии немцы и австрийцы составляли примерно 24–28% военнопленных армий государств Центрального блока [1, с. 33].

Еще до начала Первой мировой войны положение военнопленных было закреплено в международно-правовых актах. Главным документом по этому вопросу было Положение «О законах и обычаях сухопутной войны», принятое на Гаагской конвенции 1899 г. На Международной конференции «Высших Договаривающихся Держав» в Гааге была пересмотрена и принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 5 (18) октября 1907 г. [2, с. 17].

7 (20) октября 1914 г. Николаем II было утверждено Положение «О военнопленных», разработанное Военным министерством России, которое шло на смену Высочайше утвержденному временному Положению «О военнопленных» от 13 мая 1904 г., которое по ряду принципов устарело и не содержало определения конкретного статуса военнопленных.

В основу Положения «О военнопленных» 1914 г. были заложены принципы Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» к военнопленным, и «как с законными защитниками своего отечества» к военнопленным нужно было относиться толерантно, хотя иногда это условие нарушалось. В период ведения боевых действий не всегда имелась возможность отслеживать представленные в статьях Положения условия. Приказы Военного министерства России строжайшим образом запрещали применение к пленным физических наказаний или длительное заключение их в тюрьмах, тем более не могло быть и речи о расстрелах военнопленных [3, с. 17].

Поэтому по распоряжению Главного управления Генерального штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали главным образом за Уралом — в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. Значительная часть этих пленных была расквартирована в двух сибирских

военных округах — Омском (территории Западной Сибири и Северного Казахстана) и Иркутском (Восточная Сибирь). К 1 января 1915 г. из 257 тыс. военнопленных в Сибири было размещено 186 тыс. чел. [4, с. 16].

Первые эшелоны военнопленных проследовали через Иркутск 29 сентября 1914 г., а первый факт следования небольшой партии зафиксирован 2 августа, когда поездом №3 проследовало через Иркутск 32 военнопленных в сопровождении офицера и 8 нижних чинов охраны (возможно, речь идет о интернированных лицах) [5, л. 510]. Чаще всего военнопленные следовали крупными партиями. Так, 4 октября 1914 г. через станцию Иннокентьевская проследовал эшелон №56 в составе 31 офицера и 1448 нижних чинов с соответствующей охраной, а 18 октября пришла телеграмма о прохождении нового эшелона в составе 72 офицеров и 1089 нижних чинов [5, л. 526]. По всему пути следования местные органы полиции и особенно Главного жандармского управления (ГЖУ) и жандармские управления на железных дорогах тщательно контролировали движение эшелонов и особенно остановки и контакты с местным населением. Контроль был предельно жестким — регламентировалось абсолютно все.

По приказу начальника штаба Иркутского военного округа №15824 от 3 октября 1914 г. было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности приняло Министерство внутренних дел — все ГЖУ получили секретное распоряжение, по которому запрещалось допускать посторонних к военнопленным, за исключением медицинского персонала для оказания помощи больным и раненым. Хотя указания эти нередко игнорировались, так из циркуляра помощника командующего Иркутским военным округом следовало, что «военнопленные при остановке эшелона на станции Иннокентьевской пользуются неограниченной свободой и ходят по поселку и самой станции... общаясь с посторонней публикой» [5, л. 526, 531].

Летом 1915 г. количество пленных в округах Сибири резко возросло и достигло в Иркутском военном округе 200000 чел., а в Омском — 152000 чел. Постепенно в 1916–1917 гг. размещение военнопленных на территории России приобрело иной характер за счет сокращения числа пленных, отправляемых в Восточную Сибирь, и перевода больших контингентов военнопленных в Европейскую Россию для участия в тыловых и сельскохозяйственных работах. Поэтому к 1 января 1917 г. на территории Иркутского военного округа находилось 1355944 военнопленных.

Крайне ограниченный жилой фонд Восточной Сибири не мог вместить всех прибывающих. Условия содержания австро-венгерских военнопленных были очень сложны. Проблема теплого жилья в условиях

Сибири являлась главной для исследуемого периода. Жизни тысяч пленных оказались в полной зависимости от ее разрешения. Дело в том, что военное ведомство заранее не позаботилось о строительстве специальных помещений для военнопленных. Поэтому вопросы размещения многотысячных контингентов пленных солдат и офицеров вражеских армий решались уже после начала боевых действий. Военные нашли очень простой выход из создавшегося положения: попросту обязали городские власти любыми путями изыскать жилье для прибывающих пленных. Все вопросы решались в крайней спешке, зачастую не учитывались объективные возможности регионов.

Постоянно прибывавшие эшелоны с военнопленными сводили к нулю все ухищрения местных властей: будь то размещение военнопленных в скотобойнях, городских амбарах, продовольственных складах и даже в школьных зданиях [6, с. 157–159]. Казарм для пленных не хватало.

Выход нашли в строительстве концентрационных лагерей для военнопленных. В среднем строительство одного лагеря обходилось казне в 250–270 тыс. руб. Лагерь, как правило, состоял из 20–25 крупных жилых бараков, в которых размещалось от 10 до 15 тыс. пленных. На один барак приходилось обычно 500 пленных нижних чинов. Всего в России к 1917 г. насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, в Иркутском военном округе их насчитывалось 30. Здесь размещались военнопленные разных национальностей. Особых лагерей для германцев либо австро-венгров не было. И все же строительство концлагерей не освободило города от постоя пленных, поскольку и лагерные бараки оказались сразу же переполненными [7, с. 9].

Таким образом, в первое время бремя вопросов, связанных с размещением военнопленных, было возложено на городские управления, пока ситуация не достигла критического предела.

Еще одной важной проблемой, касающейся условий содержания австро-венгерских военнопленных и соблюдения их прав в Восточной Сибири, было питание. В соответствии с официальными распоряжениями русских властей «способ довольствия» военнопленных был единым по всей стране. Пленные солдаты питались из общего котла по нормам, установленным для нижних чинов русской армии. Ежедневно пленному полагался обед из щей или супа с 0,25 фунтами мяса, 0,43 золотника чаю, 6 золотников сахара, 3 фунта хлеба [8].

Так, в Иркутске офицеры ежемесячно тратили на питание от 18 до 20 руб. Но со временем и питание офицеров ухудшилось. Питание офицеров и нижних чинов, прикрепленных к лагерным кухням, существенно ухудшилось в июле-августе 1915 г. Сокращение норм питания наблюдалось в канун Февральской революции и во времена Керенского. По воспоминаниям бывших военнопленных, до сокра-

щения норм питания рацион был такой же, как у русских солдат: на завтрак чай, в обед — суп с мясом и каша, вечером снова суп или чай, кроме того, ежедневно два-три куска сахара и вдоволь хлеба. В некоторых лагерях меню позволяли разнообразить за счет урожая огородов, принадлежащих лагерям или самостоятельно разведенных пленными. В постные дни варилась уха. В 1915 г. рацион питания сокращался дважды. В начале 3 июля были сокращены вдвое нормы мяса и хлеба. Затем был полностью отменен чай с сахаром на завтрак и обед. На завтрак и ужин предлагался просто кипяток. Норма мяса была вновь сокращена в два раза, а рыба вообще исчезла из меню. В некоторых лагерях уху давали почти каждый день, но чай на завтрак был почти везде отменен [8, с. 8–9].

Понятно, что нормы питания нижних чинов далеко не всегда выдерживались на практике. Так, по заявлению представителей Международного комитета Красного Креста Тормейера и Форрьера, осмотревших осенью 1915 г. лагеря Сибири, питание пленных было неудовлетворительным. Однако в Восточной Сибири пленные не голодали, и это во многом определялось как богатством края, так и широким привлечением пленных к участию в сельскохозяйственных работах, труду в частных мастерских и на железной дороге.

Весьма существенными были различия в положении пленных офицеров и солдатской массы. Все воюющие стороны признавали за пленными офицерами, классными чиновниками и кадетами право на уважительное отношение и пристойные условия содержания. Каждая сторона внимательно наблюдала: не ущемляет ли противник права попавших в плен офицеров, и если таковые нарушения становились известны, тут же отвечала соответствующими изменениями в положении пленных на своей территории [9].

Помимо обеспечения, выдаваемого из русской казны, пленные офицеры получали денежные переводы с родины, широко пользовались помощью представителей Красного Креста. В концентрационных лагерях существовали специальные офицерские столовые, клубы, библиотеки, где вопреки официальным запретам, пленные вывешивали на стены флаги Германии и Австро-Венгрии и даже портреты кайзера Вильгельма.

Одним из вопросов, решаемых местными властями, был вопрос об использовании труда военнопленных. Первая мировая война резко сократила рынок рабочей силы в России. Ее производительные силы были истощены неоднократными мобилизациями мужского населения, поэтому правительство вынуждено было использовать труд военнопленных.

Согласно Положения о военнопленных от 7 (20) октября 1914 г., в которое были включены дополнения 8 (21) марта 1915 г. «Правила о порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ», военнопленным устанавливался режим

содержания, по которому вводилось их обязательное привлечение к работам, указывая, что эти работы оплате не подлежат. При этом ведомствам предоставлялось право выдавать военнопленным денежные поощрения. Направление военнопленных на работу осуществлялось по запросам ведомств, правлений компаний и обществ в Военное министерство. Доставка, содержание и охрана военнопленных производилась за счет потребителя данного вида труда. В правилах подчеркивалось, что неповиновение или нежелание работать влекут применение к пленным «необходимых мер строгости» [2, с. 36–37].

Сложный порядок отпуска военнопленных на работы, неподготовленность организаций создавали сначала помехи для массового использования ими дешевого труда. Однако, если на 1 (14) июня 1915 г., например на работах Министерства путей сообщения, было занято 27087 военнопленных, то уже к 1 (14) сентября 1915 г. их было 70 тыс., а к 1 (14) сентября 1916 г. свыше 140 тыс. чел. Военнопленные использовались в основном на крупном железнодорожном строительстве, ремонте железных и шоссейных дорог.

В отличие от нижних чинов, офицеров к обязательному труду не привлекали. Зато часть пленников офицеров могла подыскать себе в городах хорошо оплачиваемую работу. Их приглашали в качестве учителей в частные дома. В основном этим промыслом занимались австрийские поляки, реже — немцы. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т. д. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев [10, с. 11]. Правда, если пленным полякам, чехам и румынам доступ в города был свободен, то немецкие и венгерские офицеры обязаны были получать всякий раз специальное разрешение коменданта лагеря или начальника конвойной команды. Власти, видимо, опасались непредсказуемости пленников противников.

В Забайкальской области и Иркутской губернии военнопленные работали на каменоломнях (Чита), строительстве (курорт Ямаровка), в хлебопекарне (Троицкосавск), угольных копях (Черемхово), шорно-седельных артиллерийских мастерских, Иркутском женском институте Николая I (Иркутск), землемерных и гидротехнических работах. За свой труд они получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие труд военнопленных, перечисляли часть денег в лагерь. Так, в фонде 64 сохранилось требование заведующего военнопленными Заиркутного военного городка о перечислении «... суммы 1803 руб. 83 коп. за рабочих военнопленных, работавших у вас» [11, л. 11]. Следует отметить, что военнопленные, работавшие на ряде предприятий, не находились на территории лагеря, а проживали вблизи предприятия.

В конце 1915 г. зародился новый для Восточной Сибири кустарный промысел — лагерные мастер-

ские [10, с. 12]. Но все же некоторые виды работ были закрыты для военнопленных, так, в приказе №3 по Иннокентьевскому категорически запрещалось использовать их в качестве домашней прислуги [12, л. 3]. Серьезных проблем с использованием труда военнопленных местные власти не испытывали. Встречается лишь один документ подобного рода. В фонде 600 Государственного архива Иркутской области указано, что 22 июня 1916 г. группа военнопленных германской армии в количестве 40–50 человек (из общего числа 314 работавших на городских каменоломнях в Чите), отказались от работы, требуя удаления переводчика австрийского подданного Чикоша, назначить переводчиком немецкого подданного Б. Корна, который требовал от властей увеличения платы за работу. Забастовка была подавлена рядом казаков [13, л. 330].

Необходимо отметить, что отношение охраны и военнопленных в Восточной Сибири были достаточно лояльными, и случаи конфликтов хотя и имели место, но были достаточно редки. Так, начальник гарнизона полковник Лемберг Колль был «устранен от должности» за послабление режима в лагере Березовка [14, л. 1].

Побеги из плена были крайне редкими, хотя такие случаи все же имели место. Огромные и малонаселенные территории Сибири, суровый климат были лучшим способом изоляции пленников. Попытки выбраться из сибирского плена делали только самые отчаянные. Бежать можно было двумя путями: либо в сторону китайской границы, либо под чужим именем с фальшивыми документами через всю Россию. Чаще всего бежать удавалось офицерам, поскольку для организации побега нужны были немалые деньги. Но среди офицеров шанс на успех был только у тех, кто владел русским языком или хотя бы мог выдать себя за поляка или серба. Система поиска беглецов была четко отлажена. Так, бежавший в конце 1915 г. из Нижнеудинского лагеря летчик штабс-капитан Хуго Шваб и поручик 13 венгерского полка Александр Сабо, описывая покупку паспортных книжек и переговоры о переходе границы, называют абсолютно разных людей — один некоего Вишневого, второй — Пшевицкого [15, л. 52]. А пойманные на станции Могоча военнопленные Эрвин Пильц, Фридрих Брехер и Альберт Гоммерсбах показали, что купили поддельный вид на жительство у некоего еврея «Абрама Абрамовича», проживающего «на Блиновской улице во втором доме под дробью нижняя цифра 68» [15, л. 51]. Несмотря на явный вымысел, подобные факты проверялись МВД достаточно скрупулезно, но данный поиск давал отрицательный результат. Хотя в документах ГЖУ есть и выявленные группы, занимавшиеся подготовкой побегов за соответствующее вознаграждение, из числа местных жителей — евреев.

При задержании большинство беглецов сопротивления не оказывало, хотя часто имели огнестрельное оружие. Так, из протокола, составленного Читинским полицмейстером Чайкиным в отношении задержанных военнопленных К. Целбера и Ю. Хоффера, следует, что у одного из них изъят револьвер Смит-Вессон, карта Азиатской России, немецко-русский словарь, у второго аналогичный револьвер и компас [13, л. 84]. Правда, имели место и случаи вооруженного сопротивления. Из рапорта начальника консульского конвоя в Угре за № 476 от 10 декабря 1916 г. следует, что «для поимки бежавших из г. Троицкосавска трех военнопленных были командированы 4 казака под командой приказного Константина Бояркина» [16, л. 89]. В результате перестрелки 11 декабря того же года, при поимке бежавших военнопленных они были убиты и захоронены «в северо-восточном углу русского православного кладбища в Угре... в общей могиле

в трех отдельных гробах» [16, л. 90]. Из представленного акта следует что это были офицеры: «ротмистр 13 гусарского полка Макс Грей, обер-лейтенант артиллерии фон-Вернер и лейтенант армии, причисленный к министерству иностранных дел фон-Рофмейстер» [16, л. 90].

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в начале Первой мировой войны было принято законодательство по регулированию вопросов, касающихся военнопленных, как на мировом уровне, так и в Российской империи, но оно не всегда или не в полной мере соблюдалось в условиях жизни в Восточной Сибири, что, в свою очередь, не зависело от решения властей. Даже обеспечение австро-венгерских военнопленных надлежащими условиями быта, жильем не могло решаться в кратчайшие сроки в связи с массовым притоком их на территорию Восточной Сибири.

Библиографический список

1. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917–1920 гг. — М., 1987.
2. Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. — Красноярск, 2007.
3. Интернационалисты в боях за власть Советов / под ред. Л. А. Бирмана. — М., 1967.
4. Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. — М., 1967.
5. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 813.
6. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914—1917) // Немцы. Россия. Сибирь. — Омск, 1997.
7. Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. № 6–7.
8. Hahn Wilhelm: Streifzttge durch Sowjetrussland. Eigene Erlebnisse und Erfahrungen aus dem Lande der Bolschewiken. — Wien, 1921.
9. Приказы войскам Омского военного округа. — Омск, 1916.
10. Колмогоров Н. С. Красные мадьяры. — Новосибирск, 1970.
11. ГАИО. — Ф. 64. — Оп. 2. — Д. 55.
12. ГАИО. — Ф. 781. — Оп. 1. — Д. 1.
13. ГАИО. — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 1262.
14. ГАИО. — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 1062.
15. ГАИО. — Ф. 600. — Оп. 11. — Д. 1028.
16. ГАИО. — Ф. 600. — Оп. 16. — Д. 127.